

Зайндсезвеший

Надежда
Волгина

16+

Попаданцы и прочая нереальность

Надежда Волгина

Заиндевелший

«Автор»

2017

Волгина Н.

Заиндеветший / Н. Волгина — «Автор», 2017 — (Попаданцы и прочая нереальность)

Можно ли избежать предначертанного в мире, где нельзя послушаться воли родового Духа? Что будет, если однажды не подчиниться ему? Юной Лее пришлось расплачиваться за грехи отца. Ее насильно выдали замуж, а сразу после церемонии похитил кровный враг новоиспеченного мужа. Теперь у нее единственный шанс выжить - растопить ледяное сердце. Но все ли так просто? И не рискует ли Лея замерзнуть сама? Для обложки использовано фото дочери автора.

© Волгина Н., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Лея рассматривала узор на гобелене, что украшал стену в ее покоях, и боролась с плохими предчувствиями. Каждый раз, как к ним навевался Кнуд – самый богатый и властный аристократ в округе, отец потом несколько дней пребывал в отвратительном настроении. Кричал на всех, обижал рабов, маму частенько доводил до слез...

Как же она ненавидела этого Кнуда! Холеный выскочка, чьи капризы все старались удовлетворить наперегонки. В этом сезоне у Леи была возможность понаблюдать за ним на балах. Он разве что не позволял целовать полу своего кафтана. Вышагивал, что те гуси, которые вон носятся по двору ватагой. Раскланивался со всеми важно так, задрал нос. Как только шею себе не свернул. Лощенный до такой степени, что с него разве что не стекает масло достатка. Впрочем, волосы он точно чем-то умащивает регулярно, от их жирного блеска аж слепить начинает. И обливается чем-то так, что за версту дышать нечем.

И зачем он только пожаловал в очередной раз? Мало ее семья от него натерпелась? Деревообрабатывающий заводик отца уже давно перешел в загребущие лапы Кнуда, Половина рабов отправилась в его поместье. Что еще у них осталось такого, что он не скупил бы? Разве что дом, чтобы уж окончательно пустить их по миру.

Дверь скрипнула, и в покои Леи заглянула лукавая мордашка ее прислужницы Вивы. Правда сейчас она выглядела скорее растерянной.

– Батюшка с матушкой требуют вас к себе, – зашла она внутрь и плотно прикрыла за собой дверь.

– Требуют?

– Ну... просят... Только, какой-то уж больно сердитый ваш батюшка. На матушку кричит, а она только и делает, что плачет.

Вива совсем приуныла. Лея не раз слышала от служанки, как сильно та жалеет ее матушку, как привязана к ней. Да и не удивительно, ведь она выросла в этом доме, и мама никогда не отличала ее от собственных детей. В отличие от отца – тот всегда требовал, чтобы дети рабов держались на расстоянии от его высокогородных отпрысков.

– Помогите мне, пожалуйста, зашнуровать корсет. И волосы причеши немного, – попросила служанку Лея.

Все утро, с момента пробуждения от громкого голоса отца, она сидела перед зеркалом, погруженная в грустную задумчивость. Невеселые мысли одолевали ее. В этом году ей исполнилось семнадцать. Отец велел матери обновить ее гардероб на более взрослый, и уже почти подошел к концу первый в ее жизни светский сезон, на котором она не то чтобы фурор произвела, но и незамеченной не осталась.

В этом году ей полагалось выбрать себе мужа. И парочка претендентов выискалась. Только вот Леи они не пришлись по вкусу. Первый был вдвое старше ее отца, от него так и разило древностью. А второй был настолько дурен собой, что даже отец не стал спорить, когда она категорически отвергла его кандидатуру. А больше желающих взять в жены бесприданницу не нашлось, хоть Лея и ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. А несколько раз ей даже передавали записки с непристойными предложениями, которые она тут же сжигала, сгорая от стыда.

Бесприданница! Это слово казалось ей самым гнусным ругательством. Как будто от того, что бедна, ты перестаешь оставаться женщиной. Неужели бедность способна выносить самые мучительные унижения, наподобие таких, когда тебе предлагают стать содержанкой? Да, она не писаная красавица. У нее нет белокурых или золотистых локонов. Вместо этого природа наградила ее катастрофически густыми волосами цвета мокрой соломы. Бедняжка Вива – каких трудов ей стоит уложить эту гриву в подобие прически. Мало того, что волос много, так еще они

совершенно прямые и до ужаса непослушные, лежат, как им того хочется. У нее не огромные голубые глаза, обрамленные пушистыми ресницами. Но и свои серые она считает не лишенными прелести. К тому же, они меняют цвет, в зависимости от того, что на ней надето.

Ее внешность может и не выглядит броской, но и дурнушкой ее не назовешь. Разве что немного худощавая, так матушка говорит, что это дело наживное, с возрастом поправится. Вся беда в том, что за ней не дают приданного, вот и не приходится рассчитывать на приличную партию.

– Готово, госпожа.

Вива стянула волосы Леи в низкий хвост и обмотала его перламутровой тесьмой. Такую же тесьму повязала ей на лоб, как того требовали обычаи времени – незамужним девам разрешалось украшать себя подобным образом. Разрешалось даже носить волосы распущенными, жаль, Лея не могла себе этого позволить, чтобы уже через полчаса не стать похожей на ведьму. А после совершения священного обряда бракосочетания, женщины обязаны были покрывать голову платком на людях. Появляться в обществе с непокрытой головой считалось верхом распущенности. Такое позволяли себе разве что простолюдинки. Свободные простолюдинки. Рабыни могли с непокрытой головой только спать.

– Сколько раз я просила тебя называть меня по имени? – недовольно поинтересовалась Лея, глядя на Виву в отражении зеркала.

– Если ваш отец услышит, меня выпорют, – спокойно отвечала та. Понятно становилось, что эти двое не первый раз заговаривают на эту тему.

– Тоже верно, – кивнула Лея. – Но тут же нет отца. Вива, мы же с тобой выросли вместе, – повернулась она лицом к служанке и схватила ту за руки. – Ты же мне, как сестра.

– Ты мне тоже, – улыбнулась Вива, отчего на щеках ее образовались две симпатичные ямочки. – И я тебя люблю, как сестру, – наклонилась она и быстро поцеловала Лею в щеку. – Но называть по имени не буду. Боюсь привыкнуть и ляпнуть на людях. Тогда, не миновать мне порки.

Да уж... Что верно, то верно. Отец до такой степени был нетерпим к рабам, что наказывал их за малейшую провинность. И ничьи уговоры, ни Леи, ни ее матери, не могли его заставить смягчить или отменить наказание. Так он забил мать Вивы, когда той едва исполнилось два года. Бедняга посмела отвергнуть его, когда он пьяный ночью ввалился в ее комнату и принялся домогаться. Она тогда ударила его чем-то по голове и поплатилась за это жизнью. Лея догадывалась, какие чувства испытывает Вива к ее отцу, но они никогда не заговаривали на эту тему. Еще Лея точно знала, насколько преданна ей служанка, и верила ей, как себе.

– Как думаешь, о чем хотят поговорить со мной родители? – уже на выходе спросила Лея у Вивы.

– Думаю, появился очередной претендент на вашу руку, – улыбнулась девушка, но получилось у нее это не весело.

Подавив тяжелый вздох, Лея покинула покои и по винтовой лестнице спустилась в гостиную, где возле небольшого столика на изогнутых ножках, в креслах расположились родители, поджидая ее.

– Матушка... батюшка, – поцеловала она их по очереди, – доброе утро.

– Могло бы быть и добрее, – пробурчал отец, разглаживая усы и не глядя на дочь.

Значит, она верно догадалась, и визит Кнуда испортил отцу настроение. Впрочем, в хорошем расположении духа в последнее время тот был, разве что, когда напивался.

– Орм, можно я с ней поговорю? – робко попросила мать, заискивающе глядя на отца.

– Ты?! – вскричал он больше по привычке. Лея уже и забыла, когда отец разговаривал с матерью нормально. Да и со всеми остальными... Почти все время орал или ворчал, как старик, хоть в свои сорок с небольшим и выглядел еще довольно крепким. – Хотя, идите, – махнул он рукой. – Какая теперь разница. У нее нет выбора...

Трюд с кряхтением поднялась из кресла. А ведь она была моложе отца на добрых шесть лет. А выглядела, как старуха. Ревматизм мучил ее уже несколько лет, и с каждым годом становилось только хуже. Родовая ведунья, как могла, облегчала ее страдания, но помощи ее надолго не хватало. Стоило только поменяться погоде, как мама слегала в постель с тяжелейшим приступом. И не отпускал он ее несколько дней, несмотря на микстуры, заговоры и примочки. Да и когда не страдала от приступов, ее почти постоянно изводила ноющая боль в суставах. Лея жалела мать и ненавидела отца за черствость и непрошибаемость.

А ведь когда-то ее мать считалась первой красавицей в свете. К тому же она еще и богатой невестой была. Как так случилось, что пышный цветок Трюд обратила внимание на колючего и уже тогда непримиримого Орма, который был беден, как полевая мышь. Не иначе, как сработал принцип вопреки... А может, мама повелась на его обманчивую красоту. Только, многие ей завидовали, когда шла она рука об руку с Ормом к священному алтарю. И как быстро ее любовь угасла под его грубостью и нетерпимостью. Но изменить уже ничего нельзя было – браки у них заключались один раз и до самой смерти.

Трюд приблизилась к Лее, взяла ее под руку и повела к двери.

– Поговорим в моем будуаре, дорогая...

Будуар матери был таким же маленьким и простым, как она сама. Стены, обитые выцветшим гобеленом, старинный туалетный столик с пуфиком, удобная кушетка, чтобы отдыхать на ней в часы досуга, и пара кресел, обитых красным местами протертым бархатом. На всем проглядывалась печать бедности, как и во всем их небольшом доме, собственно. С годами обстановка ветшала, а обновить ее было не на что. Лесопилка отца приносила мизерный доход, пока он не потерял и ее. В силу своего возраста, Лея не задумывалась, а что же будет с ними дальше, но даже так она знала, что спасти их семью от разорения может только чудо или ее удачное замужество.

– Присядь, доченька, – опустилась Трюд в кресло и указала Леи на соседнее. – Разговор предстоит непростой.

Лея повиновалась, ощущая, как в душе зарождается безотчетный страх. Первый раз она видела свою мать до такой степени несчастной.

– Как ты относишься к нашему соседу – Кнуду? – без обиняков спросила Трюд.

– А я должна к нему как-то относиться?

Почему Лея даже не удивилась, когда речь зашла о нем? Не зря она все утро ожидала какой-то пакости от его раннего визита. Вот и дождалась.

– Дело в том, что он поставил нам с Ормом условие...

Трюд замаялась, а Лея терпеливо ждала, когда та продолжит. Торопить, а уж тем более задавать наводящие вопросы, мешал все разрастающийся внутри страх.

– В общем, ни для кого уже не секрет, что мы разорены. У нас были кое-какие накопления, которые отец хотел дать за тобой в качестве приданного, но Бранд ушел от нас не с пустыми руками, прихватил и твое приданное, – заплакала мама, прижимая к глазам кружевной платок.

Бранд был родным по отцу братом Леи, старше ее на два года. Он родился от служанки. И, так как Трюд к тому времени все еще не могла подарить мужу наследника, Орм усыновил его. А через два года появилась Лея. Беременность Трюд переносила с трудом, а роды чуть не свели ее в могилу, поэтому с надеждами на законного наследника им с Ормом пришлось распрощаться. Им стал Бранд, которого Трюд растила, как родного сына, наравне с Леей.

По официальной версии два месяца назад Бранд уехал учиться, но сейчас мать поведала Леи правду. Оказывается, ее брат сбежал, прихватив с собой те крохи, что у них были накоплены, оставив семью ни с чем. Чтобы хоть как-то прожить, отец заложил свой заводик. Но расплачиваться по закладной было нечем, а долги все росли.

– Кнуд выкупил закладную на завод, – рассказывала мать. – Он обещал, что вернет Орму его дело, если он отдаст за него тебя.

Лея почувствовала, как комната закружилась перед глазами, и дышать стало нечем. Выйти замуж за Кнуда? Такое она даже в страшном сне не могла себе представить. Он был даже хуже тех двоих, что сватались к ней, и кому она отказала. Она смотреть-то спокойно не могла на его самодовольную физиономию, а уж пойти с ним к алтарю!..

– Матушка, нет! Только не он!

– У тебя нет выбора, – почти шепотом произнесла Трюд. – Отец проявит свою волю родителя и даст за тебя клятву верности перед алтарем. Никакие возражения он даже слушать не станет, – она умоляюще взглянула на дочь. – Лея, подумай, что с нами станет, если ты не выйдешь за него замуж. Через месяц все, что мы имеем, перейдет к Кнуду. Нас вышвырнут на улицу, как бродячих собак. Никто не захочет нас приютить, потому что твой отец умудрился испортить отношения со всеми соседями. И что тогда?

Воображение у Леи всегда было развито. Она живо представила себе, как они бродят по улицам, голодные, холодные, подбираются. В услужение разорившихся аристократов вряд ли кто возьмет. Разве что ее, Лею, в гувернантки детям. А родители? Им же прямой путь в рабство, чтобы не умереть с голоду. И если отец все это заслужил, по ее мнению, то мать-то в чем виновата? Он промотал ее приданое. Остатки его вложил в сомнительный бизнес, и вот теперь они разорены.

– Лучше согласись по доброй воле. И смирись, – горестно добавила мать.

Трюд поведала Лее, что свадьба должна состояться через две недели. По традиции, она, на правах невесты, уже на следующей неделе должна переехать в дом Кнуда. Там ее будут готовить к бракосочетанию и телесно, и духовно. Как это делается обычно, Лея понятия не имела, а выспрашивать у матери подробности предстоящего позора не было никакого желания.

– Госпожа, что случилось? – всплеснула руками Вива, встречая ее возле покоев. – Вас словно прихлопнуло чем-то тяжелым сверху, – без лишней деликатности заключила она.

Примерно так Лея себя и чувствовала, с трудом переставляя ноги. Едва добравшись до кровати, она рухнула на нее лицом вниз и разрыдалась. Она плакала так, как никогда в жизни, но горе все не хотело выплескиваться. Еще никогда она не чувствовала себя настолько несчастной. Разве так она представляла свое будущее замужество? Почему именно ее захотел в жены этот надутый глупый индюк? За что мироздание ее так наказывало?

Лея не заметила, как куда-то исчезла Вива. Та вернулась через несколько минут и потрясла ее за плечо:

– Выпейте, – протянула она заплаканной Леи кружку. – Тут успокоительный настой. А потом вы мне все расскажете.

Лея глотала обжигающую жидкость, страдая от боли. Но даже это не отвлекало от душевных мук. Правда, настойка оказывала моментальный эффект, высушивая слезы и прогоняя дрожь. Осушив кружку, она поняла, что способна мыслить разумно.

– Меня выдают замуж за Кнуда...

Она рассказала Виве все, что узнала от матери, не утаив и о бегстве брата с семейной казной.

– Вот гаденьш! – выругалась Вива. – Как он смог? Хотя, чему тут удивляться, если все детство хозяин дул ему в попу. Ой, простите! – спохватилась она, зажав рот.

Рабы ни при каких обстоятельствах не должны были плохо отзываться о хозяевах. Это сурово наказывалось. Но Лея даже внимания не обратила на слова служанки, занятая собственными мыслями.

– Что мне делать, Вива? – мученически спросила она.

– А что тут поделаешь? – вздохнула та. – Если разобраться, Кнуд – не самая плохая партия. Он хоть молод...

– О чем ты говоришь?! – вскричала Лея. – У него же в голове так же пусто, как в той ржавой бочке на поляне, где мы играли в детстве. Единственный думающий орган у него в штанах, – сказала она и сама же покраснела от подобной вольности.

Что там у мужчин в штанах она представляла себе смутно, но не раз слышала, как так выражалась повариха, когда речь заходила о конюхе. А один раз Лея забрела на конюшню в неподходящий момент и увидела конюха на той самой поварихе. Тогда ей в глаза бросился белый зад, и она еще долго вспоминала, как ритмично он двигался, в такт гортанным стомам. Хвала богам, ее тогда не заметили, иначе об инциденте пришлось бы сообщить отцу, ведь в священном брачном союзе эти двое не состояли, а значит, грешили напропалую. А так это стало и ее тайной.

– Почему бы вам не навеститься в молельню? – предложила Вива. – На вас это всегда благотворно действует.

Лея ухватилась за эту мысль. Пусть Уна и не сможет ей помочь, но хоть направит на путь истинный. А сейчас ей, как никогда, нужно было мудрое слово.

Она спустилась в подвальный этаж и по темному коридору двинулась к одной единственной двери в самом его конце. Давненько она туда не наведывалась, и сейчас почему-то испытывала безотчетный страх.

Молельня была погружена в полнейшую темноту и затхлый воздух пах сыростью. Видно, не только она давно здесь не была, но и мама перестала навещать Уну и менять свечу. Отец-то и вовсе сюда не приходил. А рабам даже приближаться к молельне не разрешалось, чтобы не осквернять святости места.

Лея наощупь двинулась вдоль стены, пока не наткнулась на небольшое углубление. Щелкнув огнем, она зажгла толстую свечу и убрала огарок давно потухшей. Небольшое помещение с круглым углублением в полу, залил тусклый свет. Такие же свечи Лея зажгла вокруг углубления. Стало заметно теплее, сырость отступила, а вместе с нею и страх. На душу спустилось привычное успокоение, которое Лея всегда испытывала в этом месте.

Из одного мешочка на поясе Лея достала щепотку священной травы – кручины, из другого – небольшой пузырек с эликсиром жизни. Бросив траву в центр углубления, она добавила сверху три капли эликсира и закрыла глаза, вдыхая пряные и дурманящие испарения.

– Дух семьи, призываю тебя, – нараспев произнесла Лея, слегка раскачиваясь в стороны. – Приди и поговори со мной.

Сразу же появилась тонкая струйка дыма, которая моментально стала густеть и разрастаться, пока не приняла очертания женской фигуры, кутающейся в белые одеяния.

– Хорошо хоть в минуты горестей обо мне вспоминают.

– Прости, Уна. Я не думала, что матушка перестала навещать тебя.

– Не стоит извиняться, – усмехнулась дух – красивая высокая женщина с гладко зачесанными черными волосами. – Мне и в одиночестве неплохо. Вот только сырость и темнота пугают. Попроси Труд внимательнее следить за свечами, – пошевелилась дух, отчего по молельне пронесся легкий ветерок, заставивший трепетать пламя свечей. – Знаю, о чем хочешь поговорить.

– Ты всегда и все знаешь, – кивнула Лея. – Мне очень нужен твой совет, – с надеждой посмотрела она на Уну.

– А что ты хочешь услышать от меня? – нахмурилась та. – Сама же знаешь, что противиться воле отца не сможешь, а он твердо решил выдать тебя замуж за этого пустоголового.

– Что же мне делать? – снова чуть не заплакала Лея.

– Быть сильной и подчиниться, – строго ответила Уна.

– Скажи, что ждет меня после замужества? – взмолилась Лея.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать. Раскрывать будущее нам, духам, строго запрещено богами. Могу лишь дать тебе совет довериться судьбе. Выходи замуж за Кнуда, спасай семью и не обглядывайся назад. Тем самым ты спасешь много жизней, да и сама скучать не будешь, – усмехнулась Уна.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что сказала. Твоя жизнь скоро изменится, да так, как ты и представить себе не можешь. Мой тебе совет – всегда оставайся сильной и непреклонной. Помни, что ты гордая, красивая и умная. Всегда доверяй своему сердцу, и оно тебя не подведет.

– Но я никогда не смогу полюбить Кнуда!

– Да уж... – кивнула Уна. – Нужно быть очень недалекой, чтобы проникнуться к нему теплыми чувствами. Внешний лоск, богатство – его единственные достоинства. И убогая душонка... Но, я отвлеклась, – встрепенулась она. – Не думай об этом, просто подчинись воле отца и уповай на богов. А я буду скучать по тебе и молиться, чтобы все у тебя получилось.

– Что получилось?

– Всею свое время...

Образ Уны начал растворяться, пока не исчез совсем. Лея ждала, что дух скажет что-то еще на прощание, но та больше не произнесла ни слова.

В свои покои она возвращалась в смешанных чувствах. С одной стороны, она заметно успокоилась после разговора с духом, как случалось всегда. С другой – она ничего не поняла из того, что та ей говорила, кроме того, что нужно смириться.

– Ну как? – встретила ее Вива.

– Будем готовиться к переезду.

Глава 2

Карета уже дожидалась ее во дворе, и Вива проворно сносила их вещи, когда Лея обходила дом, в котором выросла, словно прощаясь с ним навсегда. Откуда взялось такое чувство, она и сама не понимала, ведь уезжала совсем недалеко, и ее не собирались держать в четырех стенах, словно узницу. Но почему-то казалось, что с этого момента все изменится, что закончилась счастливая пора юности и начинается взрослая жизнь, от которой Лея не знала чего ждать.

Она ненадолго задержалась возле окна в своей спальне, рассматривая привычный вид раскинувшегося перед ним поля, покрытым инеем в эти предрассветные часы. За полем начинался лес. Сколько всего было связано у Леи с ними. В детстве они пропадали там целыми днями. Особенно им нравилось играть на поляне, где было полно старых вещей. Народ свозил их туда и выбрасывал, а детвора строила из них нелепые конструкции, представляя что это их дом. Один такой был и у Леи с Вивой. В теплую погоду они все время играли там. И так было вплоть до последнего года, когда Лея открыла свой первый светский сезон и распрощалась с детством. Теперь все их игры остались лишь в воспоминаниях о счастливых моментах.

– Лея, тебе пора, – заглянула в покои мама.

С того памятного вечера они практически не разговаривали с Трюд. Лея даже если и хотела поговорить, то дел было столько, что по вечерам она буквально с ног валилась от усталости. А мать словно избегала ее, стараясь как можно реже попадаться на глаза.

Но сейчас Трюд подошла к дочери и крепко обняла ее.

– Прости нас с отцом и постарайся понять, – прошептала она ей в волосы. – И... береги себя, а я за тебя помолюсь.

– И ты береги себя, мама, – как в детстве, прижалась Лея к родной груди. – Я очень люблю тебя.

На глаза навернулись слезы, которые она старательно гнала от себя всю эту неделю. Но сейчас несколько прозрачных капель скатились по щекам и затерялись в меховой накидке.

Рука об руку они спустились вниз, где их уже ждал отец. Он нетерпеливо переминался на крыльце, а из окошка кареты выглядывала обеспокоенная мордашка Вивы.

– Наконец-то! – проворчал Орм. – Чего застряли?!

Лея смотрела на отца и не понимала, почему тому так не терпится сбыть ее с рук. Понятно, что через неделю ее свадьба, а вместе с ней и гарантия на нормальную дальнейшую жизнь. Но неужели он никогда ее не любил? Да и кого он, собственно, любил, кроме Бранда? И что дала тому его любовь, кроме эгоизма?

Лея в последний раз прижалась губами к щеке матери и, не оглядываясь, направилась к карете. Она шла с высоко поднятой головой, решив, что не позволит сломить себя никому.

Уже через десять минут они подъезжали к огромному белеющему в рассветных сумерках особняку. Дом Кнуда раз в десять был больше их родового поместья. Украшенный ажурными колоннами, поддерживающими балкон на втором этаже, особняк выглядел слишком помпезным и невписывающимся в окружающий пейзаж. Он смотрелся, как фрагмент, выполненный профессиональным художником в центре детского рисунка. Лея и раньше видела этот дом, но никогда не думала, что вынуждена будет поселиться в нем.

Их никто не встречал. Карета въехала во двор и остановилась возле крыльца. Девушки посидели какое-то время, ожидая, когда же распахнется дверь, но так и не дождались.

– Ничего не скажешь, ласковый прием, – пробормотала Вива. – Я сейчас...

Служанка выскочила из кареты. Скептически глянула на кучера, что лениво доставал их багаж, и помогла выбраться Лее. Какое-то время девушки потоптались на крыльце, но опять навстречу им никто не вышел.

Массивная дверь поддавалась с трудом. Протяжный скрип прорезал внутренности дома, погруженного в темноту. Похоже, все еще спали. Значит, даже приезд нареченной не смог заставить жениха встать пораньше, как и его прислугу. Хорошенькие же нравы царят в доме.

Внутри было ненамного теплее, чем в эти утренние часы на улице. Девушки, кутаясь в накидки, вошли в первую попавшуюся дверь и оказались в просторной гостиной. Камин зиял черной холодной дырой, и Вива, засучив рукава, принялась его растапливать.

– Еще не хватало, чтобы вы тут замерзли и заболели. Для полного счастья вам не хватает только этого, – ворчала она, разжигая огонь и поправляя дрова кочергой.

Когда языки пламени весело заплясали в камине, Лея подошла ближе и протянула озябшие руки к огню. Вива пододвинула к камину массивное кресло и заставила в него опуститься хозяйку.

– Вы пока подремите тут, а я пойду хоть кого-то разыщу. Что за нравы в этом доме?! – не стесняясь, возмущалась она.

На Лею навалилась странная апатия и равнодушие ко всему. Так было даже лучше – никого не видеть и не слышать, потому что она даже примерно не знала, что ждет ее в этом доме. Она умудрилась задремать, когда услышала приближающиеся голоса, в одном из которых узнала Виву.

– Ну вот, госпожа, сейчас мы вас проводим в ваши новые покои, – нарочито весело прошептала Вива, подлетая к ней и заставляя встать. – Это Дорты, – представила она подошедшую к ним и склонившуюся в поклоне розовощекую пышнотелую девушку. – Она тоже будет прислуживать вам. Но и от меня вы не избавитесь, – засмеялась она.

Лея была благодарна Виве за веселость и попытки рассмешить ее. Она даже попыталась выдавить из себя улыбку, но судя по растерянному лицу Дорты, улыбка ее больше походила на оскал. Больше она решила не предпринимать таких попыток, а молча отправилась за провожатыми.

Покои ей отвелись просто шикарные, даже помпезные. Состояли они из трех комнат: спальни, гардеробной и купальни. Причем размеры последней не отличались от остальных. Огромная ванна, выполненная в виде углубления в полу, больше напоминала небольшое озеро. А сочетание сочного малахита и позолоты в интерьере отпугивали кричащей роскошью. Лея почувствовала себя королевой-самозванкой.

Комната Вивы примыкала к ее спальне, что Лею несказанно порадовало. В такой обстановке ей просто необходим был кто-то родной рядом, готовый прийти на помощь по первому же зову.

Гардеробная пока пустовала. Единственными вещами там стали ее собственные, распакотанные заботливыми и умелыми руками Дорты. Эта девушка Лее сразу понравилась за расторопность и молчаливость. И что-то ей подсказывало, что вскоре в гардеробной появится много новых нарядов. А как же иначе? Она должна соответствовать новому образу – жене самого Кнуда.

Лея поморщилась. И зачем она только вспомнила о нем?

– Ваша спальня размером, как гостиная в доме вашего батюшки, – раздался голос Вивы, и Лея покинула гардеробную.

Да уж! Она озиралась в комнате, обитой нежно-голубым гобеленом. На огромной кровати, под прозрачным балдахинном, могли поместиться одновременно человек десять. А она одна там точно затеряется среди всех этих подушек и одеял.

– Кошмар, – пробормотала Лея.

– В чем именно? – вздрогнула она от скрипучего голоса и резко обернулась к двери.

В проеме застыла высокая женская фигура. Мать Кнуда она не раз встречала на балах, но никогда не разговаривала с ней. Она даже издали не слышала голоса той, поэтому сейчас была неприятно поражена скрипучими интонациями в нем, режущими слух. И весь вид ее кричал о высокомерии и нетерпимости.

– Вам не нравятся ваши покои, дорогуша? – обратилась к ней Кая.

– Ну что вы! Здесь чудесно, – сделала Лея быстрый книксен.

– Я рада, – сухо кивнула мать Кнуда и отвернулась от Леи. – Дорта! – крикнула она. – Подготовь молодой госпоже ванну, – распорядилась она, когда раскрасневшаяся служанка выбежала из гардеробной. – И не забудь добавить нашего семейного душистого масла. Завтрак в восемь, – снова повернулась она к Леи. – После завтрака вам предстоит процедура осмотра, а потом мы отправимся к портнихе.

Все, что говорила эта женщина, никак не отражалось на ее мимике. С самого начала лицо ее не теряло надменно-скептического выражения. Лея так увлеклась наблюдением за ней, что пропустила смысл сказанного. Лишь когда за Каей закрылась дверь, до нее дошло.

– Что мне предстоит после завтрака? – ошеломленно уставилась она на Виву.

Та сильно покраснела и отвела глаза в сторону. Так же растерянно выглядела в этот момент простодушная Дорта.

– Девушки, что тут происходит, о чем я понятия не имею?! – притопнула Лея, повышая голос.

– Госпожа, так заведено... – Вива запнулась, не решаясь продолжать и взглядом прося поддержки у Дорты.

– Что заведено? Вива! Можешь ты сказать четко?! Чего мнешься?..

– Когда невеста перед бракосочетанием переезжает в дом жениха, женская половина рода, во главе с матерью жениха, осматривают ее на предмет порчи, – речитативом, не глядя на нее, рассказывала Вива.

– Какой порчи? – лицо Леи все больше вытягивалось от удивления, а по спине пробежал противный холодок. Почему мать ее не предупредила о предстоящем позоре? Не потому ли, что испугалась ее реакции? Впрочем, сейчас Лея и сама ее опасалась, чувствуя, как сжимаются руки в кулаки.

– Физических изъянов, – еще тише продолжила Вива. – Если их бывает много, то от невесты отказываются. Но вам-то это не грозит, – ободряюще взглянула она на госпожу.

Больше всего Лее сейчас хотелось закричать во все горло. Она аж тряслась вся изнутри, стараясь сохранять внешнее спокойствие. Только ладоням было больно от впившихся в них ногтей. И зубы скрипели, так сильно она сжала челюсти. Физические изъяны?! Ее будут осматривать, как племенную кобылу? Что же это за нравы царят в их обществе, раз девушек заставляют проходить через подобные унижения?

– Вива, что еще есть такого, чего я не знаю и должна знать? – сквозь зубы спросила она. Дорта к тому времени снова спряталась в гардеробной, испугавшись возможной бури. – Расскажи лучше сейчас, ради нашего общего спокойствия. Через что еще мне предстоит пройти?

– Ничего такого позорного больше не будет, – поспешно заговорила Вива и сама покраснела от собственных слов. – Через два дня в доме губернатора состоится заключительный в этом сезоне бал, где объявят о вашем предстоящем бракосочетании. Накануне этого священного события в родовой молельне проведут обряд подготовки к соединению. Ну а о том, что предстоит вам после освящения союза, думаю, вы и сами догадываетесь, – еще сильнее покраснела Вива.

– Почему же я ничего этого не знала? – потрясенно прошептала Лея, сжимая виски руками и чувствуя, как в голове пульсирует тупая боль.

– Наверное, потому что никогда не спрашивали об этом. А ваша матушка не сочла нужным рассказать вам. Я же... я просто не в меру любознательная, вечно сую свой нос везде.

Лея лишь молча смотрела на нее, не в силах больше вымолвить ни слова. Хочет она того или нет, но и эти испытания ей предстоит вынести с высоко поднятой головой. Никто даже близко не догадается, какое омерзение при этом она будет испытывать.

За завтраком кроме Кнуда, его матери и самой Леи никого больше не было. Отец Кнуда трагически погиб несколько лет назад – упал с лошади во время охоты и сломал шею. Еще в доме жила его мать, бабушка Кнуда, насколько знала Лея. Саму ее она никогда не видела, но по округе гуляла молва, что нрав у старухи был суровый, и Лея заочно ее побаивалась. Поэтому даже рада была ее отсутствию.

Завтрак проходил в полном молчании. Слуги четко меняли блюда на столе, действуя так умело и незаметно, что Лея поражалась их сноровке. Кая сидела с идеально прямой спиной и ни на кого не смотрела. Зато ее сынок безостановочно бросал липкие взгляды на Лею, не переставая при этом глупо улыбаться. К концу завтрака ей это до такой степени надоело, что даже тело зачесалось, словно он действительно касался ее. Она была рада покинуть столовую, несмотря на то, что впереди ее ждало еще одно испытание.

После завтрака ее проводили в небольшую комнату, где кроме пары мягких диванов и зеркальной стены ничего больше не было. Лея поняла, что именно тут ее и подвергнут осмотру. Какое-то время она оставалась в полном одиночестве, пока не распахнулись двери и не ввалилась толпа женщин во главе с Каей. Замыкала процессию сгорбленная старуха, ведомая двумя рабынями. Ее усадили на один из диванов. Лея догадалась, что это бабушка Кнуда – Келда. Молва оказалась правдивой – судя по выражению лица старухи, нрав у нее был самый суровый. Второй диван с неизменным горделивым видом заняла мать Кнуда. Рабыни выстроились вдоль стены ровной шеренгой.

Лея стояла посреди комнаты и беспомощно озиралась. Больше всего ей хотелось немедленно сбежать, но она даже двинуться не могла, словно приросла к полу.

– Помогите ей раздеться, – отдала команду Кая, и две рабыни отделились от стены. На лицах остальных застыло праздное любопытство, словно им предстояло смотреть бесплатный цирк.

Женщины приблизились к Лее и принялись расшнуровывать корсет, снимать с нее платье. Одежда грудой складывалась на полу. Туда же последовала сорочка с панталонами. Даже семейный амулет не миновала эта участь. Последний факт разозлил Лею даже больше, чем то, что она осталась перед множеством пар глаз совершенно голая. Амулета ее раньше не касались чужие руки.

– Повернись спиной, – велела Кая, придирчиво рассмотрев каждый сантиметр ее тела спереди.

К тому моменту щеки Леи уже пылали всюю, хотелось опустить лицо в ледяную воду.

Позорный осмотр длился бесконечно долго. Ее просили поворачиваться, наклоняться, приседать... Лея чувствовала, что еще чуть-чуть, и она лишится сознания.

– Хватит уже пялиться на беднягу!

Этот голос принадлежал на матери Кнуда. Лея обернулась и наткнулась на сочувственный взгляд старческих глаз. В душе поднялась волна благодарности. Тут же к ней подскочили рабыни и принялись одевать. Она готова была расцеловать бабушку Кнуда, за то что та, наконец, избавила ее от позора. Когда Лея наклонилась, чтобы поднять с пола панталоны, Кая остановила ее:

– Не торопись. Тебя еще осмотрит семейный доктор. Мы должны быть уверены, что ты чиста.

Час от часу не легче. Но и это унижение она испила до дна. Когда женщины, все до единой покинули комнату, туда вкатился, в прямом смысле слова, низкорослый толстяк со слащавой улыбкой на губах. Он попросил Лею лечь на диван и согнуть ноги в коленях. Затем

сам задрал ее платье, с силой раскинул ноги и проник пальцем в нее, заставляя задохнуться от ужаса и отвращения. Бесконечно долго его палец находился в ней, ощупывая, поглаживая. Вторая его рука лежала у Леи на животе, и она чувствовала, какая та влажная и липкая. В глаза доктору она не смотрела, боясь увидеть там грех.

Когда и эта пытка закончилась, и доктор покинул комнату, Лею мучительно вырвало прямо на пол. К тому моменту она уже почти ничего не соображала, лишь в ушах безостановочно гудело. Откуда-то появилась Вива, подхватила ее под руки и проводила в отведенные покои. Там Лею уже дожидалась разобранная кровать, и наконец-то, спасительный сон подхватил ее измученное тело.

Сколько проспала, Лея не знала, но когда Вива коснулась ее плеча со словами: «Госпожа, пора вставать, вас ждет поход к портнихе», глаза отказывались открываться, а сознание проясняться. Потребовалось еще добрых полчаса, чтобы Лея окончательно пробудилась.

Когда они с Вивой полностью одетые стояли во дворе и ждали Каю с ее личной служанкой, к калитке подъехала карета, из которой вышла молодая женщина. Не старше двадцати лет она внешне напоминала сразу и Кнуда и мать его в одном лице. Это была родная сестра Кнуда – Инга. Лея и ее тоже встречала на балах. Та обращала на себя внимание излишней царственностью. Теперь Лея знала, от кого она это унаследовала. А вот чертами лица она была очень похожа с братом. Только, в отличие от последнего у нее на лице не было печати тупости.

– Инга, ты вовремя, – раздался голос за спиной Леи. Она и не заметила, как Кая вышла из дома, увлеченная разглядыванием Инги. – Поедешь с нами к Вельмилле? Нужно заказать Лее брачный гардероб.

– Нет, это довольно скучное занятие, – скривилась Инга, даже не глядя на Лею и не поздоровавшись с ней. – Справитесь и без меня. Главное, делай заказы на свой вкус, матушка.

Вот, значит, как? Совершенно не зная ее, сестра Кнуда заклеимила Лею дурным вкусом. Ну что ж, придется ей придерживаться теории и показать этим выскочкам, что значит быть наделенной таковым. Все три часа, что они провели с матерью Кнуда у портнихи, Лея изводила ту, выбирая самые яркие ткани и нарочито кричащие фасоны. Под конец Кая уже активно обмахивалась платком и заметно заикалась, а Вива едва сдерживала смех. Но Лея чувствовала себя удовлетворенной – хоть немного она отомстила этим двум заносчивым особам.

Домой они вернулись, когда уже начало смеркаться. Кроме того, заметно похолодало, и Лея замерзла в продуваемой карете. Она ужасно устала за этот день, который ей показался самым утомительным и длинным в жизни. Она вежливо отказалась от ужина и поднялась к себе в покои. Эту ночь она спала, как убитая, без сновидений.

Глава 3

Два последних дня перед главным балом этого сезона превратились для Леи в сплошную беготню. Через каждые несколько часов ее таскали на примерки к портнихе. От запаха и вида всевозможных цветов бархата, шелка и атласа кружилась голова. А может, она кружилась от того, что саму Лею вертели из стороны в сторону, подгоняя платья по фигуре, выбирая цвета оборок и воланов, кружева для оторочки. Она и раньше-то не особо любила наряжаться, а теперь и вовсе возненавидела это дело. Но в семье, членом которой ей вскоре предстояло стать, внешнему виду уделялось пристальное внимание.

Кая сводила Лею в семейную сокровищницу. Там ей подобрали украшения на предстоящий бал и диадему для последующего бракосочетания. Ни разу в жизни она не видела сразу столько драгоценностей. Тут же ими были наполнены сундуки. Зачем им столько, Лея ума не прилагала, как и не подозревала, насколько богата эта семья. И открытие это скорее опечалило ее, нежели обрадовало. Трудно соответствовать такому великолепию, если выросла в скромности.

Единственное, что радовало Лею, так это то, что она практически не встречалась в эти дни с Кнудом. Разве что за семейными трапезами, которые проходили в неизменном молчании. Правда, один раз она столкнулась с ним в библиотеке, куда пришла за книжкой, чтобы почитать на сон грядущий, как привыкла делать дома.

Кнуд появился следом за ней. Лея даже испугалась, когда он вошел в библиотеку и притворил за собой дверь. Ей не понравилось пошлое выражение его лица.

– Любишь читать? – вкрадчиво спросил он, приближаясь к Лее. – Не думаю, что красивой девушке это нужно.

– Что именно? – отступила она в сторону.

– Излишек знаний, – сделал он еще шаг в ее сторону, и Лея поняла, что приперта к стеллажу с книгами. Дальше отступать было некуда. – Зачем забивать такую хорошенькую головку?

Сам он, по всей видимости, жил именно по такому принципу, не забывая свою хорошенькую головку посторонними знаниями.

Лея не сочла нужным отвечать на довольно глупые заявления. Она старалась выглядеть бесстрастной, хоть больше всего хотелось оттолкнуть Кнуда и убежать от него подальше.

– Можно пройти? – холодно спросила она.

– Бррр... промораживаешь насквозь, – усмехнулся он. – А подарить первый поцелуй жениху ты не хочешь?

Он склонился к ее лицу, но она проворно уперлась в его грудь руками, надавливая что есть силы.

– Ни к чему торопиться, – Лея старалась говорить как можно спокойнее, хоть и содрогалась внутренне от отвращения. Как она собирается делить с ним ложе, если даже от мысли о поцелуе ее выворачивает наизнанку? Но об этом она предпочла сейчас не думать. Всему свое время.

– А ты недотрога, – хохотнул Кнуд, обдавая ее запахом спиртного. Но смеялись только его губы, в глазах же появилось упрямое выражение. – И не таких обламывали, куколка. Совсем скоро ты станешь моей, а, значит, во всем будешь мне подчиняться. И будь уверена, что в нашей общей постели меньше всего тебе придется спать.

С этими словами он отодвинулся от нее. Лея выскочила из библиотеки, так и не выбрав книгу на ночь. Слова Кнуда напугали ее. Она, конечно, задумывалась временами о том, что придется делить с ним постель, но никогда эта мысль не казалась ей настолько отчетливой, как в тот момент. Тогда, раздеваясь при помощи Вивы и забираясь в постель, она не могла избавиться от мысли о предстоящей брачной ночи. Первый раз ей по-настоящему стало страшно.

Ведь это на всю жизнь! Значит, ей как-то нужно привыкать к Кнуду, чтобы еще больше не отравлять себе существование. Она должна разглядеть в нем что-то хорошее, за что если не полюбит его, то хотя бы научится терпеть.

Перед балом Лея не на шутку разволновалась. Ведь сегодня ей предстояло стать центром внимания, потому что на балу губернатор объявит о предстоящем бракосочетании. Хорошо хоть там будут ее родители – поддержка близких людей ей сейчас была особенно необходима. И хоть с мамой они никогда не были по-настоящему близки, Лее ее в эти дни очень не хватало. Хорошо хоть Вива была рядом.

После обеда от портнихи доставили бальное платье.

– Никогда не видела ничего красивее! – восторгалась Вива, разглаживая ярко-голубой шелк с лифом, усыпанным жемчугом. – Вы будете в нем самая красивая.

– Лучше бы этого бала не было, – всхлинула Лея.

Она волновалась все сильнее. Не привыкла оказываться в центре внимания, да еще и в таком волшебном наряде. Она даже самой себе не признавалась, насколько ей тоже понравилось платье. Стоило только представить его на себе, как становилось еще страшнее.

– Будет вам! – строго посмотрела на нее Вива. – Относитесь ко всему проще. Почему бы не считать предстоящий бал веселым развлечением.

– Хорошо тебе говорить...

– Чего ж хорошего? Я-то остаюсь скучать дома.

Лея внимательно присмотрелась к служанке, которую воспринимала скорее как подругу. В странном та была настроении – какая-то раздражительная и грустная.

– Что-то случилось? – аккуратно спросила Лея.

– Ничего такого, что вам могло бы быть интересно, – отмахнулась та, забирая платье с кровати и относя его в гардеробную.

– Вива, я же вижу, что ты сама не своя, – придержала Лея ее за руку, когда та уже собиралась выйти из комнаты, подготовив хозяйку к послеобеденному сну. Перед балом полагалось как следует выспаться, чтобы ночью не клевать носом.

Вива не стала рассказывать госпоже, что с утра, когда отправилась с кухаркой на рынок за продуктами, познакомилась с мужчиной, который покорила ее сердце. Кухарка выбирала рыбу, а Вива была занята тем, что разглядывала деревянную расписную посуду. Ей всегда нравились такие вещи, и если бы она хоть мечтала смела о собственном доме, то хотела бы иметь на кухне именно такую посуду. Она вертела в руках ложку, когда услышала рядом голос:

– Правда, красиво?

Рядом стоял высокий мужчина с вьющимися каштановыми волосами и ласково смотрел на нее глазами цвета меда. Вива не могла отвести от него взгляда, чувствуя, как на сердце становится тепло и томительно одновременно.

– Как тебя зовут, красавица? – снова спросил мужчина, так и не дождавшись от нее ответа.

– Вива, – с трудом выговорила она, чувствуя, как губы и язык отказываются повиноваться.

– А меня Фрост. Вот и познакомились, – рассмеялся он, отчего показался ей еще красивее, так что земля едва не ушла из-под ног. – Это тебе, – протянул он ей деревянную фигурку котенка, взяв ее с прилавка. – Подарок от меня.

– Спасибо! – прошептала она, сжимая статуэтку в руке и согревая ее собственным теплом.

И все. Почти сразу к ней подошла кухарка, и незнакомец удалился, чтобы не скомпрометировать ее. И сейчас у нее на память о нем остался только этот котенок, которого она всегда будет носить возле сердца. Фрост... Такое красивое имя! Да и обладатель его не хуже. Только,

скорее всего, она его больше никогда не увидит. Да и толку от новой встречи? По их обычаям рабыня может создать семью, но только с одним из тех рабов, что принадлежат одному с ней аристократическому роду. И ничего больше ей в этой жизни не светит. А Фроста она смогла бы полюбить по-настоящему, да и он, кажется, не остался к ней равнодушен. Хотя, в последнем Вива могла и ошибаться. Как бы там ни было, когда хозяйка допытывалась о причине ее плохого настроения, Вива чувствовала себя по-настоящему несчастной.

– Все нормально, – только и ответила она. – Вам нужно поспать...

Лея смотрела, как за грустной Вивой закрылась дверь, а потом пожала плечами и решила, раз той хочется дуться, так это ее проблемы. У Леи и своих хватает. Только, уснуть она так и не смогла, как ни старалась. В голову лезли разные мысли, и чаще всего она возвращалась к воспоминаниям о грустном лице Вивы. Нужно все-таки выяснить, что у той стряслось. Все же она ей больше сестра, нежели служанка.

Как выяснилось, волновалась Лея зря. На балу все прошло спокойно, даже как-то буднично. Губернатор равнодушно объявил об их с Кнудом предстоящем бракосочетании и еще одной пары. Поздравляли их тоже как-то вяло. Не считая завистливых взглядов молодых особ, что ловила на себе периодически Лея, ничего необычного не происходило. Пару раз она прошла в танце с Кнудом, отдавая дань традиции, все остальное время беседовала с Трюд или просто наслаждалась музыкой и наблюдала за танцующими. Даже получила удовольствие и немного сожалела, что балльный сезон в этом году закрывается, и впереди их ждет долгая и холодная зима. А ее ждала еще и свадьба через каких-то три дня.

Вечером, накануне бракосочетания, Дорта зашла в покои Леи и сказала, что вся семья собралась в молельню. Она проводила ее в подвальный этаж, где по традиции располагалась комната духов. Дальше Лея пошла одна, потому что рабам на священную территорию вход был воспрещен.

В молельню ее дожидались Кнуд, его мать, сестра и бабушка. Лея впервые попала в эту комнату и была поражена роскошью, что царил там. Алтарь духов был отделан позолотой с вкрапленными в нее драгоценными камнями. Пол выложен мрамором, а позолоченный свод поддерживали колонны, расписанные причудливой вязью. И повсюду горели свечи в золотых канделябрах.

– Подойди ближе, девушка, – вывел Лею из оцепенения голос Келды.

Ей, как старшей в роду, предстояло проводить обряд посвящения. Она ближе всех находилась к алтарю – сидела в массивном кресле, больше напоминающем трон. Келда смотрела на нее неизменно сурово, но в глубине старческих глаз Лея разглядела сочувствие, за что была благодарна. Она без страха приблизилась к алтарю и опустилась на колени, решив достойно выдержать процедуру до конца. По другую сторону от трона уже стоял коленопреклоненный и неестественно серьезный Кнуд.

Келда принесла дары духу в виде священной травы и эликсира. Когда из центра алтаря заструился дымок, старуха положила одну руку на голову Леи, другую на голову Кнуда и произнесла слова заклинания:

– Священный дух семьи, великая Линн, яви свой образ перед нами, соедини этих двоих для священного союза.

Лея привыкла, что их дух, великая Уна, одна из самых красивых женщин, виденных ею. Когда над алтарем обозначился образ женщины, и Лея поняла, что та по-настоящему безобразна, даже гротескна, то в первый момент испугалась, но быстро взяла себя в руки, когда та заговорила нараспев мелодичным голосом:

– Вижу две разные сущности. Настолько разные, что кажутся противоположными. Но и свет живет рядом с тьмой, так почему бы этим двоим не объединиться и не стать единым

целым, подарив семье наследника. Испейте из священной чаши ровно по глотку света, и да пребудет с вами мир и благосостояние.

Перед Леей оказался кубок с чем-то дымящимся внутри. Она растерянно взглянула на Келду, и та кивнула на кубок. Лея поняла, что должна пригубить его. Она склонилась и коснулась края его одними губами. Сделала глоток чего-то парообразного и горячего, что разлилось внутри, в первый момент вызывая жжение, а потом растекаясь приятным теплом. Кубок тут же исчез из поля ее зрения и оказался перед Кнудом. Тот с точностью повторил процедуру.

– Теперь вы готовы к священному союзу, разорвать который сможет только смерть. Как только ваши руки соединятся над связующим алтарем, вы станете единым целым. А дальше все зависит от вас, насколько крепким окажется ваш дух.

Образ Линн начал бледнеть, когда в молельне снова раздался голос Келды.

– Позволь, великая Линн, поговорить с тобой наедине. Задержишься еще ненадолго.

Как в тумане Лея поднималась с колен и покидала молельню вслед за остальными членами семьи. Лишь Келда осталась сидеть в кресле. Лея оглянулась и поймала на себе ее взгляд. В тот момент она отчетливо поняла, что разговор бабушки Кнуда и Линн пойдет о ней.

Наступил день свадьбы. Как бы Лея не хотела оттянуть это событие, но время брало свое, неотвратимо приближая ее к неизбежному. За завтраком она так волновалась, что кусок не лез в горло. Даже Кнуд выглядел неестественно притихшим, словно пришибленным. Возможно, именно сейчас он осознал, что скоро насовсем распрощается с прежней жизнью.

Инга, напротив, откровенно веселилась. Ей предстоящая церемония и последующее празднество казались развлечением, чем по сути и являлись. Только веселье ее не выглядело добрым. Во всех ее взглядах, что ловила на себе Лея, она читала издевку и насмешку. Но на Игну в данный момент ей было глубоко наплевать. То, что будущая золовка невзлюбила ее с первого взгляда, ни для кого не являлось секретом. Но и Лея ей отвечала взаимностью. Все их общение сводилось к паре ничего незначащих фраз, когда промолчать было невозможно. Только Инга свои речи обильно сдабривала сарказмом, а Лея мстила ей равнодушием.

Мать Кнуда, как обычно, трапезничала в полном молчании, сосредоточенно глядя в тарелку и не обращая ни на кого внимания. Лея не переставала дивиться, насколько эта женщина умела выглядеть унылой.

После завтрака Дорта передала Леи просьбу Келды подняться к ней в комнату. Как успела узнать Лея, бабушка Кнуда никогда не спускалась к столу, предпочитая питаться, не выходя из своих покоев. Очень редко она выбиралась на прогулку в сопровождении рабынь, но чаще всего дышала воздухом опять же в своей комнате у открытого окна.

Вот и сейчас, когда Лея зашла в ее покои, Келда сидела в кресле перед открытым окном, укрытая теплым пледом. Легкий морозец, что присущ середине осени, выстудил комнату и заставил задрожать Лею.

– Садись и закутайся потеплее, – велела Келда, кивая на соседнее кресло, тут же у окна.

Лея не заставила себя упрашивать – проворно укуталась точно в такой же толстый плед, что накрывал колени Келды, и опустилась в соседнее кресло. Она терпеливо ждала, когда старуха заговорит первая. А та не торопилась, скользя ленивым взглядом по покрытым инеем деревьям.

– Уныл сад в это время года, – вздохнула Келда. – Но и завораживает одновременно. Есть в нем что-то, что заставляет хотеть смотреть на него, не находишь? – перевела она взгляд на Лею.

Лея и сама не знала, как относится к осени, особенно такой, что уже прогнала тепло, но еще не разрешает властвовать морозам. Такая осень казалась ей непоколебимой, держащей в узде стихии. А еще она считала ее честной, потому что та открыто выставляла свою неприглядность на показ, оголяя деревья, делая их уязвимыми, заставляя людей задуматься о наступающих холодах.

– Наверное, покой. Именно он заставляет нас задуматься о вечном, – кивнула Лея.

– А ты умнее, чем кажешься с первого взгляда, – усмехнулась Келда. – Но позвала я тебя сюда не для того, чтобы нахваливать. Хочу рассказать тебе о нашей семье. Ты должна знать, с кем связалась, а кроме меня никто тебе правду не скажет.

Келда замолчала, собираясь с мыслями, а Лея терпеливо ждала продолжения, чувствуя, как в душе зарождается любопытство.

– Мой муж, дед Кнуда и Инги, не любил меня. Он был беден и умен, меня взял в жены по расчету и настоянию своего отца. Я была богатая невеста, хоть и не красавица с лица.

Она говорила так спокойно о своей молодости, что у Леи невольно родилась мысль, а всегда ли она такой была? Или за долгие годы приучила себя к мысли, что прожила не самую плохую жизнь?

– И жили мы довольно мирно. Он научился терпеть меня, а я его уважала за ум и доброе отношение ко мне. Наверное, я даже полюбила его, насколько можно любить человека, который тебе никогда не принадлежал. В первый же год нашей жизни я понесла, и по воле богов родился у нас сын – отец Кнуда. Больше я детей иметь не могла, как сразу же после разрешения от бремени поведала мне повитуха. И желанна мужу, как женщина, я тоже перестала быть. А потом в его жизни произошла трагедия, в которой повинен мой отец. Так случилось, что полюбил муж всем сердцем рабыню. Я замечала их связь и не осуждала его за это. Но мой отец думал иначе. Он выкрал эту рабыню, бросил ее в темницу и заморил там до смерти. Муж долго искал ее, а когда узнал правду, ее уже не было в живых. Я и отца своего не осуждаю, – быстро взглянула она на бледную Лею, представившую всю глубину чужой трагедии, – он считал, что поступает правильно. А мужа я жалела, видя, как угасает он на глазах. Свою любовь он пережил на год, а потом и его забрала земля.

Келда снова замолчала, словно погрузилась в те далекие события. Ее руки, что перебирали плед, подрагивали, а глаза, не мигая, смотрели в одну точку.

– Мой сын рос без отца, – продолжила Келда. – Он унаследовал от мужа легкий нрав, но боги обделили его умом. Я любила его, как могла, но понимала, что великим ему не стать. Когда он достиг детородного возраста, я ему выбрала невесту. Да-да, не удивляйся, на Кае его женила я. И не жалею. Она, конечно, никогда его не любила, зато очень любит богатство. Собственно, его-то она и получила в мужья и с тех пор успешно преумножает. Есть у нее еще одно достоинство – семью она всегда ставит превыше всего. А что еще может желать мать для не очень умного, но горячо любимого сына? Как бы там ни было, но с момента появления Каи в нашем доме, я смогла удалиться от дел и посвятить жизнь себе, что успешно делаю и по сей день.

Какое-то время Келда снова молча разглядывала Лею, а та пыталась понять, что на уме у этой странной старухи.

– Я подошла к самому главному – тебе и Кнуду, – медленно, растягивая слова, вновь заговорила она. – Если Инга унаследовала острый ум деда и хитрость матери, то Кнуд не одарен ни тем, ни другим, как ты уже заметила. Но зато он весьма недурен собой, что многим девушкам кажется достаточным. Но не тебе, вижу... Кроме того, должна предупредить тебя, что если ты и дальше будешь одаривать его лишь холодностью, то он станет гулять от тебя. А впрочем, делать это он будет в любом случае.

Лея поражалась этой старухе, что так спокойно рассуждала о вещах, которые она сама считала недопустимыми. С другой стороны, она и рассчитывать не могла, что кто-нибудь в этом доме заведет с ней разговор на щекотливую тему, поэтому была благодарна Келде. А та продолжала:

– Но и не это самое главное. Когда я осталась одна с духом нашего рода, меня насторожило то, что она сказала про тебя. Вернее, предупредила... Тебе уготована непростая судьба, и что-то мне подсказывает, что не мой внук сделает ее таковой. От судьбы не уйдешь, я в это

свято верю. Хочу лишь предупредить, чтобы не угодили тебе боги, не старайся разрушить нашу жизнь.

– Я и не собираюсь... – растерялась Лея. Вот уж чего она не ожидала услышать.

– Знаю, что не собираешься, – кивнула Келда. – Ты кажешься мне хорошей девушкой.

Но все равно всегда помни, что на чужом несчастье счастья не построишь.

От разговора с Келдой в душе Леи остался неприятный осадок, словно та подозревала ее в чем-то нехорошем. Зато это позволило отвлечься и не волноваться перед церемонией, пока ее обряжали в платье невесты ритуального фасона – с длинными в пол рукавами с прорезями для рук и волочащейся по полу фате. С ее точки зрения, совершенно дурацкий наряд. Но в этом деле разнообразие состояло только в качестве ткани и наличии украшений, а в остальном обручальные наряды невест того времени выглядели у всех одинаково. Считалось, что именно такой хотят видеть невесту боги.

С тяжелой, усыпанной драгоценными камнями, диадемой на голове Орм вел свою дочь к алтарю. От церемонии одевания и дурманящего запаха цветов, которые были повсюду в доме и тут, в ритуальном соборе, украшали церемониальный зал у Леи нещадно разболелась голова. Когда Кнуд взял ее за руку, а другую протянул к сфере, ожидая, что она присоединится, Лея не сразу сообразила, что ей следует делать. Лишь когда Инга прошипела «Руку!», она коснулась своей ладонью руки жениха. Тут же вокруг сферы разгорелся ярко-красный свет, в котором потонули их соединенные руки. Свет постепенно простирался к ним, пока не скрыл их полностью от глаз зрителей. Лея почувствовала, как к ее губам прикоснулись чем-то мокрым, и поняла, что Кнуд поцеловал ее. Невольно содрогнулась от неприятного ощущения.

Когда красный туман вокруг них начал рассеиваться, послышались сначала одиночные, а потом дружные аплодисменты и в воздух полетели бутоны цветов. Лея к тому времени совершенно отупела от головной боли и мечтала, чтобы все поскорее закончилось. Но прежде чем отправиться домой, новоиспеченным мужу и жене пришлось выслушать поздравления каждого, кто находился в церемониальном зале. Их целовали, обнимали, говорили какие-то слова, но Лея уже ничего не понимала. Домой она добралась ни жива, ни мертва. Хорошо, свекровь проявила чуткость, видя состояние невестки, и отправила ее вздремнуть перед вечерним празднованием.

Глава 4

Из большой гостиной убрали всю лишнюю мебель и накрыли длинные столы. Они тянулись двумя рядами и ломались от яств. К тому моменту, как немного отдохнувшая Лея в сопровождении Вивы спустилась вниз, гости уже были в сборе. Все ждали только ее. Подвенечный наряд она сменила на шикарное бальное платье нежно-розового цвета, украшенное тончайшими кружевами. В волосы Вива ей вплела нити розового жемчуга. Разговоры стихли, когда Лея появилась на пороге гостиной. А Кнуд даже привстал, завидев ее. Он уже был заметно навеселе и не пытался даже скрыть похоть, что вспыхнула сейчас в его взгляде.

Лея заставила себя приблизиться к мужу и опуститься на одну с ним скамью. А дальше началось празднество. Тосты поднимались за тостами, вино лилось рекой, и гости становились все пьянее. Лее кусок не лез в горло. Не хотелось ни есть, ни пить, ни вести светские разговоры. Тем более что постепенно вокруг нее не осталось ни одного гостя, кто был бы на это способен. Все чаще раздавался пьяный смех и непристойные шутки, все на одну и ту же тему – предстоящую брачную ночь. Громче всех гоготал Кнуд, заставляя Лею содрогаться от омерзения.

Для рабов во дворе был натянут шатер. Там шло свое веселье, и Лея даже завидовала им, что не может удрать подальше от аристократического пьяного сброда.

Как только появилась возможность, когда поняла, что большинство уже забыли о причине веселья, и никто на нее не обращает внимания, Лея поднялась к себе. Следом за ней пришла Вива.

– Дорта напилась и уснула в конюшне, – хихикнула она, и Лея поняла, что служанка ее тоже изрядно навеселе. Ну хоть кому-то сегодня было хорошо. – Так что мы с вами сегодня ночуем одни.

– Сомневаюсь в этом, – пробормотала Лея, прислушиваясь к шуму, доносящемуся из гостиной. – Помоги мне раздеться.

Вива освободила ее от платья, надела на нее вышитую сорочку, приготовленную специально для первой брачной ночи, и расплела волосы. Все это время Лея пребывала в такой грусти, что едва сдерживала слезы. Она даже представить не могла, что вот сейчас распахнется дверь, и в комнату ввалится пьяный Кнуд, чтобы заявить на нее свои права, как супруга. Одна эта мысль заставляла замирать ее от отвращения.

Вива клевала носом и еле держалась на ногах. Лея обозлилась и на нее, что в такую трудную минуту от нее не было никакого толка, и отправила ее спать. Сама она забралась под одеяло и продолжала прислушиваться к шуму веселья, которое постепенно шло на убыль. Многие гости уже разъехались, Лея слышала, как они садились в кареты и отправлялись по своим домам.

Когда она решила, что сегодня ночью ее не потревожат, дверь распахнулась, и на пороге возник Кнуд. Он шатался и держался за косяк, глядя на нее исподлобья.

– Ждешь меня? – гоготнул он и громко рыгнул.

Нетвердой походкой он доковылял до кровати и буквально повалился на нее, заставляя Лею отползти в самый дальний угол.

– Иди сюда... – потянул он за одеяло, в которое Лея вцепилась изо всех сил. – Кому сказал, иди сюда, – дернул он одеяло так, что Лея полетела за ним по инерции. – Так-то лучше, – схватил он ее за руку и повалил себе на колени, пытаясь нащупать смердящим перегаром ротом ее губы.

Лея словно обезумела. Она вырывалась и кричала, пытаясь оттолкнуть от себя Кнуда руками и ногами.

– С ума сошла, дикая кошка? – прижал он ее одной рукой к кровати, другой держась за щеку, которую она расцарапала. – Да пошла ты!.. – отпихнул он ее, вставая с кровати. – Больно хотелось добиваться тебя, когда у меня таких, как ты... выбирай любую.

Кнуд уже было развернулся к двери, заставляя Лею замереть от неверия, что ее оставили в покое, как снова вернулся. Он наклонился, схватил ее за ворот рубашки и приподнял над кроватью. В следующий момент он наотмашь ударил ее по лицу, так что у Леи в глазах потемнело, и голова, казалось, готова расколоться от прорезавшей ее боли.

– Это тебе за мое лицо, дрянь!

А потом он ушел, оставив рыдающую Лею одну.

– Госпожа, что случилось? – раздался рядом голос Вивы. – Меня разбудили ваши крики. Он вас бил?

Лея никак не могла успокоиться. Рыдания душили ее. Она только сильнее вдавливалась в кровать, чтобы заглушить их.

– Лея! – с силой перевернула ее Вива. – У вас кровь на лице, – потрясенно разглядывала она ее, поднеся к лицу свечу.

– Губа, – коснулась Лея раны. – Ничего страшного.

– Я сейчас...

Вива скрылась у себя в комнате и через время вернулась со спиртом. Она обработала рану и остановила кровь. Лея морщилась от боли, но стойко терпела, пока Вива не оставила ее в покое.

– Он вас не?.. – спросила служанка.

– Не получилось, – усмехнулась Лея и тут же скривилась от боли. – Эту ночь я отвоевала.

Вива ничего не ответила, лишь тягостно вздохнула. Они обе понимали, что за этой последуют другие ночи.

– Ложись со мной, – попросила ее Лея. – Мне страшно одной.

– А если он вернется?

– Не думаю... Сегодня он уснет в объятьях какой-нибудь рабыни.

– Давайте я быстренько сменю простыню. Эту вы испачкали кровью, – предложила Вива.

Пока служанка перестилала постель, Лея грелась возле камина, чувствуя, как ее колотит дрожь, как при ознобе. Долго ли она сможет выдерживать натиск? Скорее всего, в следующий раз Кнуд сломит ее сопротивление и возьмет силой. Не лучше ли добровольно ему отдаться? Но она не могла думать об этом сейчас, да и глаза уже сами закрывались от усталости и пережитого шока.

– Идите, – пригласила Вива, бросая грязную простынь возле кровати и откидывая одеяло. – Спите и ни о чем не волнуйтесь, а я посижу немного...

– Ложись тоже, – широко зевнула Лея, хлопая рядом по кровати, но уже в следующий момент она крепко спала.

Вива так и не рискнула лечь рядом с госпожой. Она свернулась калачиком в кресле и тоже крепко уснула. Девушки не слышали, как примерно через час дверь тихонько отворилась, впуская в покои две высокие фигуры, закутанные в длинные плащи с головами, скрытыми под капюшонами.

– Которая из них она? – шепотом спросил один, глядя то на Виву, то на Лею.

– Понятия не имею, – так же шепотом ответил второй.

– Берем обеих, да побыстрее. Зелье давай...

Второй протянул ему пузырек. Мужчина смочил жидкостью из него тряпку и резко прижал к носу Леи. Она трепыхнулась, но потом снова замерла под действием снотворного зелья. То же самое второй мужчина проделал с Вивой. Затем они закутали девушек в одеяла, взвалили себе на плечи и поспешили из покоев. На лестнице им никто не встретился, как и на пути к воротам. Поместье было погружено в глубокий сон, и уже через несколько минут мужчины

скакали в сторону леса. Перед каждым из них через лошадей были перекинута туго спеленутые крепко спящие девушки.

Лея проснулась и первое, что поняла – малейшее движение головой причиняет адскую боль. Похмелье? Но она вчера не выпила ни капли спиртного. Притронулась к разбитой губе и определила, что та распухла и тоже болит. И только потом она сообразила, что находится не в огромной кровати в доме Кнуда, а где-то еще. Осталось выяснить, где.

Лежать было твердо и неудобно, но встать она не могла, что-то здорово сковывало движения. Ступни ног совершенно ооченели, но, попробовав их подтянуть, Лея поняла, что не может этого сделать. Голове же, напротив, было душно, лицо покрылось испариной, и к горлу подкатывала тошнота. Где она и что на ней?! Лея замерла и попыталась сосредоточиться. Наконец, до нее дошло, что она во что-то завернута, причем с головой. Превозмогая боль, она выпуталась из одеяла и огляделась. Кругом царил темнота и почему-то пахло хвоей.

Откуда-то рядом раздался протяжный стон с примесью всхлипываний. По голосу Лея узнала Виву.

– Ай, как же больно, – заплакала та.

– Вива, не шевелись резко, тогда не будет так больно, – посоветовала Лея, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно. Интуиция подсказывала, что если и она сейчас поддастся панике и ударится в слезы, ни к чему хорошему это не приведет.

– Где мы? – через какое-то время копошений снова раздался голос служанки.

– Не знаю, но собираюсь выяснить.

Лея встала и поплотнее закуталась в одеяло. Холодно в этом месте было, как на улице. Только вот неба не разглядеть, значит, его что-то закрывает. И ветра не чувствуется, следовательно, они в какой-то постройке. А вот пол земляной, утрамбованный. Босым ногам не очень холодно, но деваться некуда.

Лея дошла до стены и поняла, что она выложена из круглых бревен. Сарай? Через несколько минут она в этом убедилась, двигаясь по периметру вдоль стены. Причем довольно тесный и пустой.

– Как мы здесь оказались? – снова захныкала Вива.

– Ты ничего не помнишь?

– Я ждала, когда вы уснете, и сама задремала в кресле. А потом... очнулась здесь. Как же больно! Моя голова!..

– Похоже, кто-то одурманил нас усыпляющим зельем, – рассуждала Лея. – Поэтому мы ничего и не помним, как и не почувствовали. Если это так, то головная боль скоро должна притупиться. Просто, постарайся какое-то время не шевелиться.

Сама она последовала своему же совету – опустилась на пол, закуталась в одеяло и прильнула к стене. Даже те несколько движений заставили голову раскалываться, и какое-то время Лея боролась с новым приступом тошноты.

– Нас похитили? – снова заговорила Вива.

Лея скривилась. На этот раз не от головной боли. Служанка мешала ей думать, а только так она могла хоть что-то понять. Хотя, чего тут понимать, и сама не знала. Она даже примерно не представляла, кому понадобилось их похищать и зачем. Разве что ради выкупа.

– Ужасно болит голова, – заплакала Вива.

И так тоскливо у нее это получилось, что сердце Леи сжалось в непонятном инстинкте. Она поняла, что должна поддержать эту напуганную девушку, что из них двоих именно она должна быть стойкой. Она подползла к Виве и прижала ту к себе. Молча ждала, пока та не перестанет всхлипывать. Лишь поглаживала ее по волосам и баюкала, как дитя. От заботы о ком-то ей и самой становилось легче. Не может быть, чтобы все было плохо. Скорее всего, это какое-то недоразумение, которое скоро счастливо разрешится. Очевидно же, что похитители

ошиблись, и вовсе не они им нужны. Так Лея успокаивала себя, все отчетливее понимая, что такие ошибки редко случаются. Вместе с осознанием в душе рос страх, но его Лея гнала из всех сил.

– Давай попробуем уснуть. Вот увидишь, утром появится ясность, и время быстрее пролетит.

Она уложила Виву, подоткнула той со всех сторон одеяло, и сама легла рядом, обнимая и прижимая дрожащую девушку к себе. Она лежала и прислушивалась к ровному дыханию Вивы, пока и ее не сморил сон.

***

Кнуд с трудом восстанавливал события вчерашнего вечера. Да и жесточайшее похмелье слабо этому способствовало. Это ж надо было так надраться на собственной свадьбе! Да еще и проснуться в конюшне рядом с чавкающей сено лошадиной мордой. Осталось вспомнить, как он туда попал и с кем. Хотя, какая теперь разница. Уж точно это была не Лея – его новоиспеченная жена. Хорошо хоть, никто не встретился ему, когда он в одном исподнем белье пробирался из конюшни в свои покои. И куда делись его вещи? Где он вообще вчера раздевался?

Оказавшись у себя в комнате, Кнут завалился в постель и уснул с чистой совестью ничего не помнящего человека. Разбудил его приход матери.

– Проснись, сын, – довольно бесцеремонно трясла она его за плечо, пока не добилась результата.

Кнуд сел в кровати и сонно потер глаза.

– Я проспал завтрак? – потянулся он.

– Ты проспал гораздо больше.

Кая взирала на него так сурово, как не делала никогда, даже тогда, когда он совершал что-то из ряда вон выходящее. Она фактически испепеляла его взглядом, и это не сулило ничего хорошего.

– Что это? И где Лея?

Мать швырнула на кровать Кнуда какой-то свиток. Машинально развернул его и уставился в написанные ровным красивым почерком строки: «Жену свою ты больше не увидишь. Пришло тебе ее голову, но сначала помучаю как следует. Асмунд».

– Что это? – оторопело уставился Кнуд на Каю.

– Это лежало на кровати Леи, болван! – выплюнула та. – Где ты провел ночь? Брачную ночь.

Кнуд напряг память. Что вчера произошло между ним и Леей? Кажется, он заходил к ней после праздника. А дальше?.. Они повздорили. Точно! Она кричала и вырывалась, как дикая кошка, и он не помнит, было ли между ними что-то. Дольше память отказывалась давать подсказки.

– Что у тебя с лицом?

Как же она достала! Ему и без того паршиво, так она еще и инквизиторский допрос устроила. Кнуд прикоснулся к лицу и скривился от боли. А это что такое? Кто это прошелся по его щеке чем-то острым? Лея? В голове что-то трепыхнулось, но очень слабо, почти незаметно.

– Ты выполнил супружеский долг?

Мать ждала ответа, которого у него не было. Но и не переспать с женой он тоже не мог, когда это он отказывал себе в таком удовольствии, да еще и с девственницей. Мало он их что ли перепортил среди рабынь?

– Конечно! – Кнуд гордо вскинул голову и посмотрел на мать.

– Приведи себя в порядок, мы едем к губернатору.

– Зачем?

– Заявить о похищении твоей жены и назначить награду за голову этого разбойника, – Кая подняла свиток с кровати и потрясла им перед лицом сына.

– А может, ну его?..

– Ты еще глупее, чем я думала, – скривилась Кая, с жалостью глядя на сына.

– Вот как? – обиделся он. – Только не я выбирал ее в жены, – пробубнил, вставая с кровати.

– Тебе ее выбрала великая Линн. Никто не может послушаться духа семьи, и ты это знаешь.

– Ну конечно, крепость рода и все такое... – бубнил Кнуд, натягивая первое что попадалось под руку. – Из-за дурацкого предрассудка я должен жертвовать своей свободой... .

– Предрассудка?! – появилась разъяренная Кая на пороге гардеробной. – Ты называешь предрассудком то, благодаря чему мы так богаты? Глупец! Людям не дано видеть будущего, они живут сегодняшним днем. И лишь духи на это способны. Они делают все ради укрепления рода. И если Линн велела тебе жениться на Лее и спасти ее семью от разорения, значит, так нужно было. Ты же ей за это обязан подарить наследника. Только так дух станет еще сильнее. Поторопись! – прикрикнула она. – Дорога каждая минута!

***

– Что ты собираешься делать дальше? Неужели правда сможешь убить ее?

Фрост наполнил две кружки элем и придвинул одну к Асмунду. Тот задумчиво сидел за столом и постукивал по нему пальцами, действуя другу на нервы.

– Хватит уже, а?! Как приехали, даже позы не изменил. Какие мысли тебя занимают? И давай выпьем, – поднял он свою кружку. – Ночка выдалась трудной.

Они еще с вечера проникли во вражеское поместье. Фрост смешался с толпой рабов, которые уже почти все были заметно навеселе. Сделать это оказалось не сложно, достаточно было одеться попроще да нацепить на лицо туповатое выражение. На него и внимания-то никто не обращал, разве что молоденькие рабыни, покоренные его внешностью. Но от этого Фрост даже удовольствие получил, жаль только, что не смог удовлетворить себя по полной.

Асмунду пришлось сложнее. Никакой плащ не способен был скрыть его мощную фигуру. Природа щедро одарила его, как исполинским ростом, так и шириной плеч. Да и походка с годами выработалась обманчиво мягкая и элегантная. Тем, кто его видел, казалось, что он лишь выжидает, выслеживает жертву, чтобы схватить ее в нужный момент, что, собственно, недалеко было от истины. Образ жизни в лесу и постоянная потребность скрываться сделали его таким.

Но еще хуже дело обстояло с лицом Асмунда. Всех, кто встречал его впервые, ждал шок от холодного пронизывающего взгляда и глубокого шрама от левого уха до ключичной впадины – воспоминания из детства, когда он напоролся на тесак в попытке помочь матери. Даже его приспешники, что стекались в его отряд с разных концов света, побаивались Асмунда и без надобности старались его не трогать. Лишь Фрост был на особом положении, поскольку дружили они с детства и вместе бежали из рабства, когда обоим было по десять лет.

Асмунд стряхнул оцепенение и пригладил черные волосы, что неровными прядями спадали на плечи. Он поднял кружку и стукнулся ее о кружку Фроста.

– Мы сделали это, – раздался его низкий голос. Даже в этом природа его выделила из остальных – кто однажды слышал его голос, запоминал его на всю жизнь. – Я долго ждал, когда этот поганец женится. Теперь моя мать будет отомщена.

– Ты не ответил на вопрос, – вновь заговорил Фрост, когда осушил свою кружку. – Ты на самом деле хочешь убить ее?

– Будь уверен, я бы не дрогнул, – задумчиво посмотрел на него Асмунд, припечатывая тяжестью взгляда. – Но случилось кое-что, что изменило мои планы.

– Вот как? И когда же это случилось? Почему ты передумал?

Фрост пытался замаскировать облегчение в голосе. Несмотря на все зверства, что приписывали другу, тот никогда не поднимал руку на женщин. Да и не было у него их никогда. Разве что на одну ночь, чтобы удовлетворить плоть. В поселении беженцев было много симпатичных беглых рабынь, но ни одной из них не удалось покорить его сердце. Он их попросту не замечал.

– И, кстати, где ты прятался, пока я терся среди пьяной прислуги?

– В их молельне. Лучшего места не найти...

– Так ты что же, там увидел что-то, что заставило тебя передумать?

– Именно, – Асмунд снова посмотрел на друга.

– Только не говори, что тебе показался их дух? – лицо Фроста вытянулось от изумления. –

Или да?..

– Я и сам ничего не понимаю, – потер Асмунд лицо руками. – Так что не спрашивай больше ни о чем. Но убивать я ее не стану. Продам в рабство.

– Но как? Кто у тебя ее купит?

– Тут никто, да и высовываться опасно. Отвезу ее за ледники. Там ни меня, ни ее никто не знает. Там она и останется навечно.

– Сам повезешь? – прищурился Фрост.

– Сам. Такое дело я никому не могу поручить.

Он встал и размял затекшие мышцы. В просторной комнате, что служила столовой, сразу же стало тесно.

– Давай поспим немного, а утром приведешь ее, хочу посмотреть...

Глава 5

Проснулась Лея от промораживающего холода. Даже одеяло от него не спасало. Но голова прошла, и на том спасибо. Вива рядом мирно посапывала, и Лея решила ее пока не будить. Сильно захотелось по нужде, но она понятия не имела, где это можно сделать. В крохотном сарайчике не было даже заваливающегося ведра, не на пол же ей справляться, честное слово. Оставалось надеяться, что долго их тут не продержат.

Через какое-то время, что Лея тщетно пыталась согреться, кутаясь в одеяло, дверь со скрипом распахнулась, и в сарай вошел мужчина. От резкого звука пробудилась Вива и сонно таращилась на пришельца.

– Фрост? – вдруг воскликнула она, вскакивая, не обращая внимания на холод. Да и в отличие от Леи, на ней было надето теплое шерстяное платье.

– Ты знаешь его? – удивилась Лея.

– Вива? – одновременно с ней произнес мужчина. – Так ты?..

– Служанка госпожи Леи, – кивнула она, все еще не понимая, при чем тут ее недавний симпатичный знакомый, подарок которого и сейчас был при ней. – А почему мы здесь? – догадалась она спросить.

– Не волнуйся, малышка, тебе ничего не угрожает. Уж об этом я позабочусь, – поспешно заговорил Фрост, замечая, что Вива готова разразиться слезами.

– А госпоже?

Фрост перевел взгляд на Лею, и та подметила, как в глазах его промелькнула жалость.

– А ей предстоит путешествие.

– Какое путешествие? Куда? Ей нельзя никуда ехать, она же только вчера соединилась священным браком с господином Кнудом, – затараторила Вива, подбегая к Фросту и заглядывая тому в глаза.

Видя явное замешательство последнего, Лея решила вмешаться:

– Вива, успокойся, надеюсь, сейчас мы все узнаем.

– Я не понимаю, почему нас выкрали ночью и держат на холоде, – попятилась Вива от Фроста, глядя на него уже с подозрением. – Кто ты? Бандит? И что ты собираешься с нами делать?

– Ничего, – совсем растерялся он. – Тебя никто не тронет, не беспокойся. И я распоряджусь, чтобы тебя проводили отсюда в тепло. А госпожа твоя должна последовать за мной, – перевел он взгляд на Лею.

Та встала, кутаясь в одеяло. Ей было так холодно, колотил болезненный озноб и пить хотелось еще больше, чем по нужде. Но она старалась стоять прямо, подозревая, что дальше будет только хуже и готовясь стойко переносить все несчастья. Жалость в глазах Фроста уже даже не намекала на это, а откровенно кричала.

– Можно мне сказать пару слов служанке наедине? – спросила она, указывая на плачущую Виву.

– Только быстро. Жду вас за дверью.

С этими словами Фрост вышел из сарая и прикрыл за собой дверь.

– Кажется, ты ему нравишься, – грустно улыбнулась Лея, приседая рядом с Вивой. – Не плачь, этим ты мне вряд ли поможешь. Не знаю, зачем я им понадобилась и куда меня собираются везти, но я рада, что ты будешь в безопасности.

– Но, госпожа... – пуще прежнего разрыдалась Вива, хватаясь за нее руками. – Я не хочу, чтобы вас увозили!

– Ничего не поделаешь, Вива, сила на их стороне. Вряд ли Фрост даже тебя послушает. Думаю, тебе не разрешат вернуться домой. Но что-то мне подсказывает, что найдешь ты тут

свое счастье, – ласково улыбнулась Лея, стараясь не показывать, как тоскливо у нее на душе. – Постарайся воспользоваться этой возможностью. И прощай.

Она отцепила от себя руки Вивы и направилась к двери, не глядя больше на служанку и запрещая себе слышать ее рыдания.

Фрост ждал ее на улице, и первым делом Лея попросила проводить ее в уборную. После посещения ею покосившегося и дурно пахнущего деревянного строения, они какое-то время шли по лесу, петляя между деревьями. Босые ноги Леи совершенно окоченели. Она даже не замечала, как наступает на острые обледенелые сучья, как спотыкается о выступающие из земли и покрытые инеем корни деревьев. Только чудо спасало ее от падения и скорейшее желание оказаться в тепле. Фрост время от времени с опаской поглядывал на нее, но не говорил ни слова, лишь ускорял шаг.

Наконец, они остановились у довольно симпатичного деревянного домика с резной крышей и таким же крыльцом. Все это Лея заметила краем глаза, потому что к тому времени уже совершенно не чувствовала ног. Фрост завел ее в просторную комнату и велел ждать. Сам поднялся на второй этаж по винтовой лестнице.

Приятное тепло, струившееся от пылающего в камине огня, постепенно проникало внутрь, возвращая тело Леи к жизни. Вместе с теплом вернулась и боль – ноги колото так, что стоять она больше не могла и опустилась прямо на пол, возле камина. Заметила, как из ран на ногах сочится кровь и спрятала их под одеяло, пытаясь сдержать слезы, что упорно подступали к глазам. Кто бы тут ее не ждал, слез ее он не увидит!

Через какое-то время на лестнице послышались шаги, и Лея первый раз встретилась глазами со своим врагом. В том, что это враг, она ни секунды не сомневалась. А кто еще мог смотреть на нее с такой ненавистью. Перед ней предстал зверь в человеческом обличье, и Лея отчетливо поняла, что ничего хорошего от него ждать не может.

– Оставь нас, – велел зверь Фросту, останавливаясь в нескольких шагах от Леи и глядя на нее сверху вниз. Она содрогнулась от его голоса и только плотнее закуталась в одеяло.

Фрост безропотно подчинился, и какое-то время ничего не происходило. Зверь молчал, а Лея боялась даже дышать, стараясь не показывать, до какой степени ей страшно. А страшно ей было так, что не справь она нужду, осрамилась бы прямо тут. Никогда раньше не испытывала такого животного ужаса, какой внушал ей этот мужчина.

– Встань, – велел он, и Лея поняла, что повторять дважды он не станет, что ей же лучше подчиниться.

Она поднялась, с трудом удерживаясь на израненных ногах и радуясь, что их закрывает одеяло. Взгляд ее упирался в пол, смотреть в лицо зверю она боялась.

Он подошел ближе и жестко ухватил ее за подбородок, поднимая лицо вверх. Только не плакать, только не плакать, – мысленно твердила она, заглядывая в промораживающие насквозь глаза.

– Что это? – коснулся он ее опухшей губы, не убирая пальцы с подбородка и продолжая рассматривать ее лицо.

От страха Лея потеряла дар речи, только и могла, что тарачиться на него, словно находилась под гипнозом.

– Сколько тебе лет? – снова спросил он, не повышая голоса. Что было бы, закричи он на нее, Лея боялась даже представить.

– Семнадцать, – титаническим усилием выдавила она из себя.

– Такая юная... – пробормотал он, выпуская ее подбородок и отходя в сторону.

Голова Леи тут же снова упала на грудь, и она с ужасом заметила лужу крови, что вытекала из-под одеяла. Ничего не успела предпринять, как зверь тоже заметил кровь. Он подскочил к ней и одним движением сдернул одеяло. Какое-то время рассматривал ее окровавленные

ноги, а потом подхватил ее на руки и отнес в кресло. При этом он не произнес ни слова. Все так же молча скрылся из комнаты, но уже через минуту вернулся с тряпками и какой-то бутылкой.

Он присел перед ней на корточки, обхватил одну ступню огромной ладонью и облил содержимым бутылки. Нogu прожгла такая боль, что Лея невольно вскрикнула.

– Привыкай к боли, – равнодушно произнес он, обматывая ее ступню тряпкой и прodelывая то же самое со второй.

Зачем? – хотелось ей спросить, если бы не приходилось бороться со всепоглощающей болью и слезами. Почему она должна к чему-то привыкать? Да и как можно спрашивать того, кого боль твоя совершенно не трогает. Он даже ни разу не взглянул на нее за время всей этой экзекуции.

Когда раны на ногах были обработаны и надежно спрятаны от холода, Лея с ужасом поняла, что сидит перед ним в одной ажурной сорочке, предназначенной для первой брачной ночи. Через тонкое кружево просвечивала она вся. Невольно лицо залила краска стыда, хоть и страх никуда не делся.

Видимо, зверь тоже это заметил, потому что поднял с пола одеяло и кинул ей, отворачиваясь к двери.

– Фрост! – громко позвал он, и тот тут же появился в дверях, словно только и ждал этого. – Отведи ее к Хане. Пусть найдет ей одежду и приготовит к дороге. Двинемся в путь вечером.

И опять они петляли по лесу, только в этот раз ногам Леи было намного комфортнее в нескольких слоях мягкой ткани. Да и они еще не совсем отошли от той дряни, что поливал их зверь, до сих пор еще их немного пекло.

В этот раз Лея внимательно смотрела по сторонам. Она заметила много маленьких домиков, прячущихся между деревьями. Некоторые были устроены прямо на самих деревьях. Да тут разместилось целое поселение! Интересно, что за люди тут живут? И не те ли это разбойники, про которых поговаривают, что прячутся они в лесах и дают приют всем беглым рабам? Если так, то Лея оказалась в самом центре вражеского стана. Уж она-то точно знала, как рабы ненавидят аристократов, стоило только вспомнить, как издевался над ними ее отец. Да и семейство Кнуда, говорят, относилось к рабам не лучше. И то что лично она считала, что рабы тоже люди, вряд ли ей тут припомнится и смягчит участь.

– Пришли, – проговорил Фрост и ободряюще улыбнулся Лее.

Он уже собирался уходить, оставив ее на крыльце дома, не похожего на все остальные. Этот, почему-то, хоть и тоже был выстроен из сруба деревьев, но весь его покрывал черный налет, блестящий в лучах утреннего солнца. Лея окликнула Фроста.

– Позаботься, пожалуйста, о Виве, – тихо попросила она. – Она мне, как сестра.

– Не волнуйтесь, с ней все будет в порядке, – пообещал он, и по глазам Фроста Лея поняла, что это не пустые слова.

– Передай ей вот это, – она сняла с шеи семейный амулет в виде полумесяца и протянула его Фросту. – Пусть он хранит ее и дарит свободу.

В их обществе считалось, что если хозяин что-то дарит рабу, то тот может считать себя свободным. Раньше Вива принадлежала отцу Леи, потом она перешла в собственность Кнуда, но сейчас Лея вдруг поняла, что может считать Виву только своей. И она не замедлила воспользоваться этим.

– Спасибо! – произнес Фрост, и в глазах его блеснули скупые мужские слезы. – И пусть боги хранят вас, госпожа.

Лея еще какое-то время смотрела в спину удаляющегося мужчины. Она должна смириться с собственной участью, чтобы судьба ей не уготовила, и душу грело то доброе дело, что она успела совершить.

– И долго ты еще собираешься тут топтаться, дочь Орма? – услышала Лея за спиной сварливый, но довольно приятный голос.

На крыльцо вышла уже не молодая, но все еще статная и красивая женщина. Ее огромные черные глаза рассматривали Лею с нескрываемым любопытством. Гладко зачесанные тоже черные волосы блестели на солнце. И кожа на лице была такой смуглой, словно она целыми днями загорала.

– Вот, значит, какая ты? – проговорила она. – Я тебя представляла немного иной. Не такой хрупкой, – усмехнулась она. – Может, уже зайдешь? – освободила она проход в дом и сделала приглашающий жест рукой.

Лея вошла в ее жилище и поразилась его языческой красоте. Все оно изнутри было украшено яркими амулетами разных размеров и формы, на которых преобладал красный цвет. Пол устилали мягкие шкуры, а окна были выложены цветной мозаикой, отчего комнату заливали самые разнообразные цвета от преломляющихся в цветных стеклышках солнечных лучей.

– Присаживайся, – указала Хана на низкий диван, тоже устланный шкурой. – Сперва накормлю тебя, а после поговорим.

Перед диваном уже был накрыт стол. Никаких изысков в еде Лея, напротив, не заметила. Но к тому времени она так проголодалась, что рада была мясной похлебке и краюхе хлеба. Она не заставила себя уговаривать и тут же умяла все, что стояло перед ней, запивая тягучим молочным киселем. И такой вкусной ей показалась пища, что она не отказалась бы от добавки, если бы не рисковала объесться.

Все время, пока Лея была занята поглощением пищи, Хана молча сидела в кресле напротив и с улыбкой наблюдала за ней, прихлебывая что-то из маленькой чашечки. Если вначале и была легкая неловкость от столь пристального внимания, то к концу трапезы Лея про нее уже забыла.

– Спасибо, – сыто откинулась она на спинку дивана.

– Люблю, когда едят с аппетитом, – Хана поводила чашкой, словно перемешивая то, что там оставалось, а потом резко перевернула ее на блюдце. – Не люблю оставлять осадок без внимания. Да и полезно знать, что день грядущий готовит, – пояснила она, из чего Лея ничего не поняла. – А я тебя немного другой представляла, Лея – дочь Орма, – повторила Хана, и взгляд ее задумчиво прошелся по Лее.

Как она вообще могла себе ее представлять? И откуда эта женщина знает, чья она дочь?

– Более крепкой и менее утонченной, – рассуждала та, не переставая ее разглядывать. Лее стало неловко, что сидит перед ней в одной сорочке, но в доме было жарко натоплено, и одеяло она оставила у входа. – Нужно тебя одеть. Я сейчас...

Хана вышла и через несколько минут вернулась с ворохом одежды. Все это она положила рядом с Леей и велела той одеваться.

Платье было простое, но из теплой ткани, с длинными рукавами и с закрытым верхом. К нему еще прилагались шерстяные чулки с панталонами, меховая накидка и ботинки на толстой подошве. Вся одежда была чистой и добротной, а главное, не маркой, чему Лея особенно порадовалась, учитывая, что ей предстояла дорога. Мысль о путешествии, да еще и в такой компании, мгновенно испортила настроение. Она без содрогания не могла вспоминать это лицо, голос... А его глаза! В них же страшно смотреть, чувствуешь, как тебя сковывает холод. И с этим зверем ей нужно куда-то ехать. Когда она перестала быть хозяйкой своей судьбы? Да и было ли такое вообще когда-нибудь?

– Того, кого ты называешь зверем, на самом деле зовут Асмунд, – голос Ханы вернул Лею к действительности. – И ты правильно делаешь, что боишься его. Он очень опасен. Иногда мне кажется, что все человеческое в нем умерло и похоронено под толстым слоем льда. Как он только находит силы жить? Не иначе, как ненависть ему дает их.

Лея чувствовала себя какой-то пришибленной. Голос Ханы, говорящий ужасные вещи, заставлял ее дрожать. Асмунд... Где-то она слышала уже это имя.

– Про него знают все у нас в округе, да и не только у нас, – кивнула Хана, и Лея уверилась в подозрении, что та читает ее мысли. – Это он тот самый страшный разбойник, что скрывается со своей шайкой в лесах и грабит богатеев. Так рассказывают про него люди. Но я тебе скажу, что не разбой для него главное, это лишь способ раздобыть средства к существованию. На самом же деле он ярый борец против рабства и дает кров всем беглым рабам, кто приходит к нему.

Должно быть, она тоже когда-то бежала из рабства, мелькнула мысль у Леи.

– Ошибаешься, – тут же ответила ей Хана. – Я никогда не была рабыней, но всегда осуждала наш строй, и когда у меня не осталось выхода, добровольно примкнула к сопротивлению.

Она замолчала на время, явно собираясь с мыслями. Лее тоже было о чем подумать, например, о том, для чего она понадобилась Асмунду. Понятно, что не для чего-то хорошего, но хотелось бы знать поточнее.

– Перед тобой, Лея, я чувствую вину, – как-то очень тихо заговорила Хана. – Но чтобы понять все, ты должна услышать мою историю... и узнать правду про своего отца, – добавила она еще тише.

То, что Хана знает ее отца, Лея уже поняла, иначе зачем та называет ее дочерью Орма. Но теперь она отчетливо осознала, что этих двоих связывало не шапочное знакомство, и любопытство ее разыгралось не на шутку. Она даже забыла на время, что является тут главной жертвой.

– Я родилась в аристократической богатой семье. До десяти лет с полным правом могла считать себя самым счастливым и любимым ребенком. Мои родители баловали меня, единственную дочь, ужасно. Ни в чем я не знала отказа. А когда мне исполнилось десять, случилось то, что изменило всю нашу жизнь. Проявился мой дар. Ты уже, наверное, поняла, что я – колдунья. Мне по силам многое, и лучшего применения своим способностям, чем тут, в отряде Асмунда, мне не найти. Но так было не всегда. Мой дар оказался проклятием для моей семьи. Когда наш родовой дух узнала, что я отмечена колдовской печатью, она потребовала от отца, чтобы тот избавился от меня. Но отец не мог этого сделать, потому как любил меня больше жизни. Он послушался духа, и вскоре она покинула наш род.

Лея слышала о таких случаях, что дух и колдунья не уживаются в одной семье. Обычно это приводило к тому, что люди, отмеченные колдовством, покидали семьи, чтобы сохранить их целостность и процветание. Но, видно, не в случае Ханы.

– Я была маленькая, и мать с отцом старательно скрывали от меня правду. Только я не могла не замечать, как постепенно мой отец разоряется. Когда мне исполнилось семнадцать, мы уже были очень бедны, едва хватало на пропитание. Тогда заболела моя мать. Даже мои способности оказались бессильны перед ее недугом. Она умерла, а через полгода за ней последовал отец. У меня оставался один путь – в рабство. Но к тому времени о моих способностях поползли слухи, и даже рабыней я не была никому нужна. Вот тут-то и появился Асмунд. Тогда он еще был мальчишкой, но уже озлобленным и гордым. Он предложил мне примкнуть к ним и делать общее дело. Вот так я оказалась тут.

Лея сочувствовала этой гордой женщине всей душой, понимала, сколько горя та повидала в жизни. Только, при чем тут сама Лея, и почему Хана считает себя виноватой?

– С твоим отцом мы познакомились на рынке, где я продавала свои амулеты. Он мне сразу понравился, как и я ему, – грустно улыбнулась она своим воспоминаниям. – Но он был беден, а я еще беднее. Но все же твой отец решил жениться на мне. Только дед твой не позволил ему этого – воспользовался правом своей власти. Мало того, дух вашего рода запретил ему видаться со мной и выбрал ему в жены твою мать. Орм повиновался и исполнил волю духа – женился на ее избраннице, принес в дом богатое приданое. Но он послушался духа в той части, что касалась меня.

– Вы продолжали видаться? – ужаснулась Лея. Теперь она понимала, как случилось, что богатое приданное матери растаяло, как туман в лучах солнца.

– Мы и сейчас видимся, – горько усмехнулась Хана. – А расплачиваешься за все ты.
– Как это?

Лея перестала понимать, что пытается ей сказать Хана.

– Дух твоего рода дала Орму еще один шанс все исправить – велела выдать тебя замуж за Кнуда. Ослушаться и в этот раз ее отец твой не рискнул – тоже воспользовался своей властью. Только так он мог спасти всех вас от разорения, хоть и знал, как ты относишься к будущему мужу.

Лея пыталась осознать то, что только что услышала. Получается, что в ее вынужденном замужестве виноваты Хана и отец? Они грешили всю жизнь, а она расплачивается. Несправедливо, даже если их связывает настоящая любовь.

– Я понимаю твои чувства и не рассчитываю на хорошее отношение. Боюсь, что услышав мой дальнейший рассказ, ты вообще возненавидишь меня, но рискну продолжить, – Хана какое-то время молча смотрела на нее, ожидая, по всей видимости, что Лея заговорит, но та сохраняла гробовое молчание. Обида сомкнула ее уста. – У Асмунда к семейству твоего мужа серьезные счета. Когда-то он был их рабом. Их с матерью подарили отцу Кнуда, когда Асмунду было девять лет. Мать его была писаной красавицей и сразу приглянулась хозяину. Только отвергла она его, а он ей не простил этого и бросил в темницу. Оттуда живой она уже не вышла. А когда Асмунду исполнилось десять, они с Фростом сбежали и поселились в лесу. Как они выживали – отдельная история. Когда им исполнилось по пятнадцать, начали они собирать отряд. С тех пор и занимаются тем, что помогают беглым рабам. Только вот смерти матери не может простить Асмунд твоей семье. В нем живет одно чувство – жажда мести, все остальное в нем умерло вместе с матерью.

– А меня он похитил, чтобы отомстить? – больше самой себе, чем Хане, сказала Лея. – И что он собирается со мной делать? – в упор посмотрела она на колдунью.

– Сначала он хотел убить тебя, но потом его планы изменились. Не бойся, – торопливо добавила она, увидев, как сильно Лея побледнела. – Убить тебя я бы не позволила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.